

А. И. Фалилеев

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

IN PROVINCIA RUSSLOND: ФРАГМЕНТАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РУКОПИСИ XV ВЕКА О НОВГОРОДЕ¹

В работе рассматривается фрагмент *Итинерариев* Уильяма Вустера, записанный 25 августа 1479, но сведения, в нем содержащиеся, восходят, вероятно, к 30-м гг. XV века. Во фрагменте дается информация о Великом Новгороде, которая, похоже, не вошла до сих пор в канон западных известий XV в. о Руси. В исследовании она рассматривается в контексте других сопоставимых письменных памятников западного средневековья. Внимание уделено и собственно лингвистическим аспектам этого текста.

Ключевые слова: западные известия о Руси, Новгород Великий, средневековая латынь, среднеанглийский язык, лингвистическая адаптация, смена языкового кода.

Alexander Falileyev

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

***In provincia Russlond:* fragments on Novgorod in a XV c. manuscript**

This paper investigates a fragment of the *Itineraries* by William Worcestre recorded on the 25 of August 1479, and reflecting memories from the 30s of the same century. In the fragment the hermit of Elsing, who claims to have accompanied the Queen Philippa (1394–1430) in her Scandinavian lands, also provides some information regarding Novgorod the Great. These scattered passages are analysed against the data obtained from other European authors who wrote about this Russian city in the fifteenth century. The Flemish knight Ghillebert de Lannoy was the first in this century to provide some testimony on Novgorod, and this fragment appears now to be chronologically the runner up. Although it is comparatively short, it offers some pieces of important information about Novgorod noticed only by later observers. The editions of the text by J. Nasmith (1778) and J. H. Harvey (1969) were checked against the manuscript source (Cambridge, Corpus Christi MS 210), and some new readings have been suggested. The text contains a number of examples of code-switching, and they are also discussed as well as cases of acculturation and accommodation found in the fragment.

Key-words: Novgorod the Great, medieval Latin, Middle English, epigraphy, adaptation, code-switching.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 17-18-01624.

Западные известия XV в. о Руси представляют собой важнейший источник по истории, культуре и быту страны этого периода. Благодаря записям таких авторов как Жильбер де Ланнуа (Гильбер де Ланноа, Guillebert de Lannoy, 1386–1462), Иосафат Барбаро (1413–1494) или Амброджо Контарини (1429–1499) в нашем распоряжении оказываются интересные свидетельства, которые остаются в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей в течение долгого времени. К изучению этих источников обращались еще Филипп Карлович Брун (1804–1880) и Василий Осипович Ключевский (1841–1911), вторая половина XX века ознаменовалась многими исследованиями (В. И. Рутенбург, Ю. А. Лимонов, Е. А. Савельева, Е. Ч. Скржинская, Дж. Д’Амато и др.), которые были продолжены в веке нынешнем. Основные ссылки на эти работы можно найти в недавно изданных материалах к биобиблиографическому словарю «Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России» П. Д. Малыгина (2018). К сожалению, не на все, что специально оговаривает составитель в предисловии к этому труду. Так, для автора *Voyages et ambassades* Жильбера де Ланнуа следует отметить объемное и многостороннее исследование Д. Н. Черкасова (2015), содержащее и полный перевод текста, а список литературы, неучтенной в словаре, достаточно впечатляющ. Кроме того, словарь «не претендует на полный охват западноевропейских авторов XV–XVII вв. и их сочинений о России» (Malygin 2018, 9), и в этой работе мне хотелось бы привлечь внимание к тексту, который не был учтен при составлении справочника «Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России» и был обойден вниманием специалистов по истории отечества.

Автором его является англичанин Уильям Вустер (William Worcestre, в русскоязычных текстах иногда встречается и «Уильям Вустерский»). Он родился в Бристоле в 1415 г. и после окончания школы обучался в Оксфордском университете. С конца 30-х гг. XV в. Вустер служил секретарем английского полководца и спонсора университетов сэра Джона Фастольфа, ставшим прототипом Фальстафа в пьесах Шекспира. В этом статусе Уильям Вустер оставался до самой смерти своего патрона в 1459 г. и провел последующее десятилетие в тяжбах, касающихся завещания покойного. Он переехал в Кембридж, жил позднее в Норидже и умер в начале 80-х гг. Его перу принадлежат несколько произведений, включая трактат «Кормило знати» (*The Boke of Noblesse*), и изучению жизни и творчества

этого автора посвящено немало работ: см. основополагающие исследование одного из столпов британской медиевистики К. Б. МакФарлейна, озаглавленное «William Worcester: a preliminary survey» в McFarlane 1981: 199–224, и дальнейшую библиографию в Falileyev, в печати. Сообщение о Руси мы находим в его *Итинерариях*, записанных в 1477–1480 гг., и сохранившихся в рукописи Cambridge, Corpus Christi ms 210. *Итинерарии* Вустера были изданы впервые в 1778 г. английским антикварием Джеймсом Насмитом (Nasmith 1778: 77–378), который опубликовал немало других важных средневековых английских документов. Фрагменты этого текста, посвященные истории и топографии Бристоля были переизданы в 1834 г. другим известным антикварием, Джеймсом Даллауейем (James Dallaway, 1763–1834). До третьей четверти XX в. издание Насмита оставалось стандартным, и только в 1969 г. появилось современное издание *Итинерариев* с параллельным переводом на английский язык (Harvey 1969). Хотя его автор Джон Харви (1911–1997) был известным специалистом по средневековой архитектуре в целом, и экспертом по готической архитектуре средневековой Англии в частности, эта работа была, в целом, положительно встречена в филологическом сообществе. Части текста, связанные так или иначе с Бристолем, ряд из которых был опущен Харви, были изданы в 2000 г. отдельной книгой (Neale 2000).

В своих *Итинерариях* Вустер нередко записывал информацию, полученную им в устной форме от собеседников в своих путешествиях по Англии, часто называя точную дату и имя информанта. Эти фрагменты жанрово многообразны, и, в том числе, представляют значительный интерес для изучения исторической географии Англии и Корнуолла. Сведения же (*informacio*) о Руси были записаны Уильямом Вустером 25 августа 1479 г. — в день Св. Людовика Французского — от неназванного по имени попутчика, отшельника из Эльсинга (Elsing), что находится в двадцати километрах от г. Норидж. Отшельник поведал антикварию, что провёл одиннадцать лет вместе с Филиппой Английской, королевой Дании (1394–1430), вплоть до самой её смерти. Текст *informacio* занимает в издании Джона Харви две страницы (Harvey 1969: 192 и 194), и достоверность деталей этого сообщения давно уже вызывает заслуженные сомнения. Информатор сообщает исторически неверные факты при жизнеописании Филиппы и путается с датами описываемых событий, в том числе и с датой смерти этой королевы

Дании, Норвегии и Швеции. Конечно, эти ошибки можно объяснить возрастом рассказчика – в момент записи этой истории ему должно было бы быть около восьмидесяти, и о свежести воспоминаний о событиях полувековой давности говорить не приходится. Однако сообщение включает в себя немало и точных сведений, и в нем, помимо прочего, рассказывается о географии Дании, Норвегии и Швеции (см. Falileyev, в печати), а также о других странах региона Балтийского моря, в том числе и о Руси.

Прежде чем обратиться к анализу этих свидетельств, необходимо отметить следующее. Рассказ анахорета записан на латыни, невысокое качество которой неоднократно отмечалась исследователями (ср. McFarlane 1981: 199, 210 и 217 о латыни Вустера), с некоторым количеством вкраплений среднеанглийских аппелятивов и англо-номанских служебных слов. Подобный стиль в принципе характерен для *Итинерариев* Вустера, который иногда в своих латинских текстах приводит и английские параллели для отдельных лексем и топонимов (напр., *flumen Wega vocata le Holywelle*, Harvey 1969: 98), а также синонимы, ср., напр., *colys vocat myller thombys* «coles called miller's thumbs» (Harvey 1969: 292–3). Сам же анахорет, судя по всему, был англоязычным, хотя именно эта область Англии и в пятнадцатом веке была известна выходцами из скандинавских стран. Более того, культ скандинавских по происхождению святых оставался популярным в позднесредневековой Англии, и, примечательно, собеседник покинул Вустера, скорее всего, в десяти километрах от Грейт-Ярмута в небольшой деревушке с говорящим названием *St. Olaves*. В ней находился приорат черных каноников-августинцев, основанный в 1239 г. и посвященный Святому Олаву, королю Норвегии: известно, что подобные места притягивали к себе скандинавов, проживавших в Англии. Из исторических источников известно, однако, что свита королевы Филиппы состояла из большого количества англичан, и, вероятно, один из них, вернулся на родину после её смерти и доживал остатки свой жизни отшельником. В этом отношении примечательно, что Вустер в вводной части к *informacio* не упоминает об этническом происхождении своего информанта, что обычно бывает в тех случаях, когда он общается с соотечественниками. Что же касается самой информации, то важно отметить, что рассказ отражает взгляд на восточную Европу из Скандинавии, и эти сведения уместно датировать не временем их записи Вустером, а десятилетиями ранее и, скорее всего,

временем, когда королева Филиппа была еще жива. Это приводит нас к 30-м гг. XV в., и некоторые детали сообщения анахорета из Эльсинга косвенно подтверждают эту дату.

Сведения о Руси не представляют собой композиционно завершенную и структурированную часть *informacio* – отдельные предложения на эту тему расположены по всему тексту сообщения, что, возможно, отражает спонтанность их высказывания, хотя может и свидетельствовать о записи их Вустером по памяти без надлежащей систематизации. Согласно этим известиям, *Russ(e)lond* (с определениями *provincia* и *patria*) находится рядом с Ливонией (Лифляндией), к востоку от неё (*prope Lyfelond ex parte orientali*), а *Lettonia* расположена близ Ливонии к югу от неё (*prope Lyfland ex meridionali de Russelond*). В рукописи мы читаем на самом деле *Lettowe*, ср. Nasmith 1778: 318 и Harvey 1969: 194, и ойконим *Lettonia* мы находим только в переводе этого фрагмента Харви и последующих его репродукциях. Очевидно, что речь здесь идет, бесспорно, о Литве, и, примечательно, что следующее за этим предложение сообщает, что Вильнюс – это город с крепостными стенами (*ciuitas murata*). Следует отметить в этой связи, что слегка более раннем хронологически сообщении Жильбера де Ланнуа сообщается о том, что «город совсем не укреплен» (Cherkasov 2015: 221). Сам топоним представлен в рукописи в искаженной форме *Wylle*, достаточной, впрочем, для его идентификации – ср. *Ry villa* в Ливонии, за которым скрывается Рига, или *London* в Скандинавии, который используется для наименования Лунда. Еще одно свидетельство о местонахождении Руси, возможно, мы находим при описании Стокгольма. Согласно тексту, он является главным городом Швеции (*principalis villa in Sweyth*) и расположен *super le Russes*: я осторожно предлагаю, помимо других интерпретаций, видеть здесь английское субстантивизированное прилагательное (форма мн. ч.) со значением ‘русские’, см. Falileuev, в печати. В этой стране, по словам сообщения, «никаких других городов не названо» (*nulle alie ville nominate*) кроме Новгорода, который упоминается в тексте дважды. И указанное в тексте расположение Руси, и фокус на Новгороде позволяют рассматривать *informacio* как свидетельство собственно о Новгородской земле, параллели чему известны, ср. ссылки в Kovalenko 2002: 6. Хотя оно является весьма фрагментарным и кратким, важность его трудно переоценить. В распоряжении исследователей имеются только три свидетельства европейских наблюдателей XV в. о Новгороде — Жиль-

бера де Ланнуа, Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини, см. переводы фрагментов соответствующих произведений в Kovalenko 2002: 19–22, где приводится дальнейшая библиография. Благодаря же записям Уильяма Вустера в нашем распоряжении оказывается информация отшельника из Эльсинга, которое свидетельствует о времени до завоевания Новгорода Москвой и, очевидно, восходящее к 30-м гг. пятнадцатого века. Таким образом — перед нами второе по хронологии свидетельство иноземца о Новгородской земле XV в. после известий Жильбера, посетившего Новгород в 1413 г.

О стране, впрочем, мы узнаем немного. В одном фрагменте *informacio* говорится о том, что она очень богата (*patria ditissima*), а в другом сообщается о её богатствах. Ими являются воск (*cera fertilis*) и шкуры (*pelles*); примечательно, что источник также сообщает об изобилии воска (*multiplex cera maxima fertilitate*) в Литве, причем может сложиться впечатление о сравнительном количественном превосходстве этого важного товара именно там. Впрочем, собственно Новгород и Литва являлись основными поставщиками воска в Западную Европу (Khoroshkevich 1963: 122). Попутно можно отметить аттестацию в позднесреднеанглийском документе (ca. 1500) словосочетания *Spreuse wax*, которое находится во фрагменте *grey wax, Poleyn and Rason and Spreuse wax* (Jenks 1992: 307). Многие исследователи полагали, что его следует переводить ‘как прусский воск’ (ср. написания ойконима ‘Пруссия’ у Вустера как *Spruce* и *Spruceland*, Harvey 1969: 192, 306 и 194), однако существуют и другие интерпретации. Что же касается шкур, то пушной экспорт Новгорода этих времен хорошо известен и детально изучен, ср. уже Khoroshkevich 1963: 45–121. Об этом богатстве сообщает и Жильбер де Ланнуа в своем рассказе о посещении «великого князя и короля Литвы» (*grant prince et roy de Létau*), Витольда (*Witholt*), к сожалению, не учтенного в хрестоматии Kovalenko 2002. Как пишет фландрский рыцарь, «в один торжественный обед, который он дал, к нему прибыли два посольства, одно из Великого Новгорода и другое из королевства Пскова, которые принесли ему представить многие удивительные подарки, целуя землю перед его столом». Среди подарков Жильбер отмечает “невыделанные шкурки куниц, шелковые одежды, шубы, меховые шапки” (*martres crues, robes de soye, soubes, chapeaux fourrez*), Potvin, Houzeau 1878: 55–6, Cherkasov 2015: 230, и о Новгороде как центре меховой торговли свидетельствует немного позже также Амброджо Контарини

(Kovalenko 2002: 22). А. Л. Хорошкевич (1963: 117) отмечала, что « [п]ушнина, один из главных русских экспортных товаров, “драгоценных”, по выражению немецких купцов, высоко ценилась и пользовалась заслуженной славой (..) на всех европейских рынках». Впрочем, на европейские рынки поставлялась пушнина и из других восточно-европейских стран, однако именно товар из Руси, достигавший и Англии через ганзейское посредничество, особенно отмечается наблюдателями (ср. Veale 1966: 57–77 и 133–180). Можно также отметить, что XV в., которым датируется *informacio*, знаменуется упадком торговых отношений между Данией и Новгородом (Shaskolckiy 1970: 16), однако этот исторический факт, безусловно, не нуждался в отражении при описании страны отшельником из Эльсинга.

Далее, после упоминания шкур, в тексте следует соединительный союз *et*, после чего в рукописи следует незаполненный пробел. За пробелом следует слово, которое Дж. Насмит читает как *foresto* (Nasmith 1778: 318), а Дж. Харви — *foreste* (Harvey 1969: 194). Нет сомнения, что мы имеем дело тут с очередным среднеанглийским вкраплением в латинский текст Вустера, ср. англ. *forest* ‘лес’. Сам факт появления английского слова в латинском нарративе автора *Итинерариев* не является исключительным, и подобные изменения языкового кода известны (и хорошо изучены) в различных по жанру произведениях позднесредневековой английской письменности, ср. Schendl, Wright 2011. Чтение же слова с конечным *-o* представляется маловероятным, и, к тому же, написание самого слова как *foreste* достаточно частотно в средневековых английских текстах. Однако чтение с конечным *-es* также, по крайней мере, возможно, и в таком случае мы имеем дело с формой множественного числа, хорошо зафиксированной в среднеанглийском (ср. у Чосера, *Now hilles, and now mountaynes, Now valeyes, now forestes*). В таком случае *informacio* упоминает леса страны (ср. перевод «... forests» в Harvey 1969, 195), но все равно вопрос о лакуне, предшествующей этому слову, остается неразрешимым. Она могла быть сделана намеренно для последующей вставки характеристики леса (или лесов), или других географических объектов, ср. описание «земель Руси» Жильбера де Ланнуа, который по дороге из Ниенслота (Nyeuslot, совр. Кингсепп) в Новгород «проезжал через некоторые деревни и замки, лежащие в пустынных землях, полных лесов, озер и рек» (Cherkasov 2015: 217). Однако, как и во многих других случаях в *Итинерариях*, лакуна может быть и непреднамеренной и отражает

некоторую хаотичную спонтанность записи текста. Тогда мы имеем дело с собственно лесом, что является, помимо всего, общим местом в наблюдениях иноземцев о Руси, ср. сведения Матвея Меховского о Московии, изданные в 1517 г., см. Anninskiy 1936: 113–114. О том, что именно вокруг Новгорода расположены большие леса, также сообщает и Жильбер, ср. несколько различающиеся переводы французского оригинала, *la ville de la grant Noegarde (...), située en une belle plaine, avironnée de grans forests* (Potvin, Houzeau 1878, 32) в Kovalenko 2002: 19 и Cherkasov 2015: 217.

В этом же предложении *informacio* сообщается о том, что в стране живут как христиане, так и язычники. Для обозначения последних используется слово *saraceni*, собственно — ‘сарацины’, и параллелей такому словоупотреблению в европейской литературе предостаточно. Так, Жильбер де Ланнуа упоминает о том, что король Польши и герцог Померании покровительствовали сарацинам (Cherkasov 2015: 214), и в кратком комментарии к оригиналу (*qui favorisoient les Sarrasins*) на это значение обращается внимание в издании текста (Potvin, Houzeau 1878: 26). Также фландрский рыцарь называет сарацинами и татар, «которые живут там племенем, и которые настоящие сарацины» (Cherkasov 2015: 222, *lesquelz sont drois Sarrasin*, Potvin, Houzeau 1878: 41). В своих *Итинерариях* Вустер использует это слово несколько раз в прямом значении. Так, он копирует документ миноритов из Бодмина (Корнуолл), в котором сообщается о великой чуме, поразившей христиан вслед за сарацинами, ибо они суть язычники (*Saracenes quia pagan[o]s*, Harvey 1969: 94), а при описании Бристоля сообщает, что укрепление на горе Гистон (*Ghyston cliff*) было основано до времен Вильяма Завоевателя «сарацинами или иудеями» (*per Saracenos vel Judeos*, Neale 2000: 34). Известно, что в средневековой Англии как и в других европейских странах это слово применялось и к собственно арабам, туркам и мусульманам, а также к язычникам в целом или даже попросту к иноземным врагам безотносительно их отношения к их религиозным воззрениям. Сарацинами называли ирландцев, шотландцев, славян и даже вандалов, а в некоторых художественных текстах, как отметила Д. Спид, они оказываются «преимущественно литературным явлением, основанным не на реальных персонажах, но восходящим к более ранней литературе» (Speed 1990: 595). В *informacio*, очевидно, слово используется с отсылкой к языческой части населения Новгородских земель. Примечательно, что

именно в этом предложении упоминаются леса, и, как было уже отмечено, «в средневековой культурной географии лес, несомненно, обладал сильными коннотациями, которые, как правило, связывали его с чем-то экзотическим и языческим» (Тамм 2009: 24).

Несколько больше сказано в тексте собственно о Новгороде, который упоминается в двух несвязанных между собою фрагментах. Сам топоним появляется в двух написаниях, первое из которых легко читается в рукописи (дважды на с. 237) как *Nordon*. На с. 239 же он дается как *Nogorth* (согласно Harvey 1969: 194, *Nogrooth* в Nasmith 1778: 318), и уже у ранних читателей текста не было сомнений в идентификации топонима, о чем свидетельствует маргинальная глосса *Nouogardia*, оставленная рукой Роберта Талбота в середине следующего века, ср. в этой связи *Nowygrad vero, quam Latini Nugardiam vel Nouogardiam vocant* у Матвея Меховского (Anninskiy 1936: 183) и *Noegarde* у Жильбера де Ланнуа (Cherkasov 2015: 216). Первое предложение сообщает о том, что он является «большим и очень богатым городом для купцов» (*ciuitas magna et ditissima pro mercatoribus*), и о торговом значении Новгорода также говорит и фрагмент на с. 237, называя его городом купцов (*ciuitas mercatorum*). Таким образом, положение о том, что Сигизмунд Гербенштейн был первым из иностранцев, который «отметил важное значение торговли в жизни Новгорода» (Kovalenko 2002: 6), должно быть пересмотрено – первое свидетельство можно теперь датировать веком ранее. Величиной же Новгорода восхищается уже Жильбер де Ланнуа (*merveilleusement grant ville, Potvin, Houzeau 1878: 32*; см. Kovalenko 2002: 19 и Cherkasov 2015: 217). Примечательно, что только этот город отмечен таким образом во всем тексте *informacio* – информант Вустера использует *ciuitas*, *capitalis ciuitas*, *principalis ciuitas (villa)* и *castrum* говоря о населенных пунктах Скандинавии и Балтийских стран, и даже когда сообщает какие-либо более подробные сведения о них, как в случае с Копенгагеном или Стокгольмом, о размере городов не сообщается.

В городе, как сообщает *informacio*, много золота и серебра (о циркуляции благородных металлов в Новгороде см. Khoroshkevich 1963: 263–307) и даже колокольня церкви Новгорода (*campanile ecclesie Nordon*) покрыта золотыми листами (*cum auro lamine*). Вустер неоднократно использует слово *campanile* в своих *Итинерариях* исключительно для обозначения колоколен (ср. только при описании Бристоля, Neale 2000: 20, 50, 72

(дважды), 80, 90, 94 и т. д.), и значением этого латинского слова в позднесредневековой английской традиции бесспорно является ‘колокольня’, ‘звонница’, ср. глоссы *campanile*, a *bel hose* или *hos campanile*, a *bellehowse* в документах XV века. Примечательно, что сопоставимая информация известна и по несколько более позднему источнику. Швед Петр Петрей (*Petrus Petrejus*, ок. 1570–1622, см. о нем *Tolstikov* 2012) оставил нам следующее свидетельство о Новгороде начала XVII в.: «[к]олокольни большею частью обиты листовою, желтою и красною, медью и позолочены ярким чистым золотом; на них несколько тысяч колоколов, больших и малых: самый большой принадлежит церкви св. Софии» (*Kovalenko* 2002: 73). Используемый в хрестоматии Г. М. Коваленко и неоднократно переиздававшийся перевод текста Петрея А. Н. Шемякина, впервые опубликованный в 1865–6 гг., вызывает обоснованные нарекания (см. *Tolstikov* 2011), и в данном случае в текстах говорится, собственно, о башнях (*die Thürme* немецкого сочинения и *Tornen* шведского). В этих башнях подвешены тысячи колоколов, больших и маленьких (соответственно *darinne etliche tausent Glocken / kleine vnd grosse hangen* и *vti hwilka finnes några tusende Klockar / stora och små hängande*)². Очевидно, речь идет действительно о колокольнях, и следует отметить, что *informacio* Вустера использует слово ‘колокольня’ в единственном числе, ср. перевод «the belfry of the church of Novgorod» в *Harvey* 1969: 193. Как известно, в Новгороде XV века было немало храмов, см. обзор церквей, в том числе и существовавших в это время, выполненный разными авторами в *Yanin* 2007: 478–529, и чуть ранее *informacio* Вустера Жильбер де Ланнуа сообщает о триста пятидесяти церквях города (*Sherkassov* 2015: 218). Позднее мы находим у Матвея Меховского сообщение и о том, что церковь Св. Софии в Новгороде была покрыта блестящими золотыми пластинами (*et est tecta aureis lamines splendentibus*, *Anninskiy* 1936: 184), однако описание Вустера вряд ли подходит звоннице Софийского собора (см. о ней работу В. А. Ядрышникова в *Yanin* 2007: 181–182, с дальнейшей библиографией).

Несмотря на фрагментарность этого сообщения о Великом Новгороде, сохранившегося в *Итинерариях* Уильяма Вустера,

² Автор благодарен доценту Петрозаводского государственного университета А. В. Толстикову за предоставление этих данных в условиях самоизоляции и их плодотворное обсуждение.

нет сомнения в его важности для установления корпуса известий иностранцев о Руси XV в. Для Новгорода оно является хронологически вторым после текста Жильбера де Ланнуа, хотя и существенно уступает ему по объему. Однако оно превосходит объем двух хронологически последующих реляций о городе Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини, занимающих, соответственно, семь и пять строк в хрестоматии Г. М. Коваленко (2002: 21–22). Фрагменты содержат новые крупинки информации, неизвестные по другим иноязычным источникам этой поры, и, как хочется надеяться, будут востребованы историками. С точки зрения же филологии, эта часть *informacio* Вустера интересна в рамках изучения адаптации иноязычных названий этим автором, и также дополняет общую картину смены языкового кода в *Итинерариях*.

Литература

- Anninskiy, S. A. 1936: [*Mekhovskiy Matvey. Treatise on two Sarmatias. Introd., transl. and comm. by S. A. Anninskiy*]. Moscow; Leningrad.
 Аннинский, С. А. 1936: *Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях* / Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л.
- Cherkasov, D. N. 2015: [Guillebert de Lannoy and his «Voyages et ambassades»]. *Studia historica Europae Orientalis*. Fasc. 8. Minsk, 195–241.
 Черкасов, Д. Н. 2015: Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades». *Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 8. Минск, 195–241.
- Falileyev, A. в печати: Notes on the *Itineraries* by Willam Worcestre.
- Harvey, J. H. 1969: *William Worcestre, Itineraries*. Oxford.
- Jenks, S. 1992: Werkzeug des spätmittelalterlichen Kaufmanns: Hansen und Engländer im Wandel von memoria zur Akte (mit einer Edition von The Noubre of Weyghtys). *Festschrift Alfred Wendehorst zum 65. Geburtstag gewidmet von Kollegen, Freunden, Schülern*, 2 vols. = *Jahrbuch für fränkische Landesforschung* 52–53 (1992), vol. 1, 283–319.
- Khoroshkevich, A. L. 1963: [*Veliky Novgorod's trade with Baltic Region and West Europe in XIV–XV centuries*]. Moscow.
 Хорошкевич, А. Л. 1963: *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв.* М.
- Kovalenko, G. M. 2002: [*Veliky Novgorod in foreign writings of XV–early XX centuries*]. Veliky Novgorod.
 Коваленко, Г. М. 2002: *Великий Новгород в иностранных сочинениях XV–нач. XX века*. Великий Новгород.
- Malygin, P. D. 2018: [*West-European writers of XV–XVII centuries on Russia: materials for bio-bibliographic dictionary*]. Malygin, P. D., Gaidukov P. G. (eds.). Moscow.

- Малыгин, П. Д. 2018: *Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю* / сост. П. Д. Малыгин; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.
- McFarlane, K. B. 1981: *England in the Fifteenth Century*. London.
- Nasmith, J. 1778: *Itineraria Symonis Simeonis et Willelmi de Worcestre*. Cambridge.
- Neale, F. 2000: *William Worcestre: the topography of medieval Bristol*. Bristol.
- Potvin, Ch. & Houzeau, J.-C. 1878: *Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste*. Louvain.
- Schendl, H. & Wright, L. (eds.) 2011: *Code-Switching in Early English*. Berlin.
- Shaskolckiy, I. P. 1970: [Economic ties of Russia with Denmark and Norway in IX–XVII centuries]. In: [*Historical connections of Scandinavia with Russia in IX–XX centuries*]. Leningrad, 9–63.
- Шаскольский, И. П. 1970: Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. *Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв.* Л., 9–63.
- Speed, D. 1990: The Saracens of *King Horn*. *Speculum*, 65, 564–595
- Tamm, M. 2009: A New World into Old Words: The Eastern Baltic Region and the Cultural Geography of Medieval Europe. *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*. Aldershot, 11–35.
- Tolstikov, A. V. 2011: [Why should we translate «Regni Muschovitici sciographia» by Peter Petreius from Swedish]. *Srednie veka [Middle Ages]* 72, 175–186. Толстиков А. В. 2011: Зачем переводить «Regni Muschovitici sciographia» Петра Петрея со шведского языка. *Средние века* 72, 175–186.
- Tolstikov, A. V. 2012: [Peter Petreius in Russia (1601–1613 гг.)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 129–142.
Толстиков А. В. 2012: Петр Петрей в России (1601–1613 гг.). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 129–142.
- Veale, E. M. 1966: *The English Fur Trade in the Later Middle Ages*. Oxford.
- Yanin, V. L. 2007: [*Veliky Novgorod. History and Culture. Encyclopaedia*]. Yanin, V. L. (ed.). St. Petersburg.
Янин, В. Л. 2007: *Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь* / под ред. В. Л. Янина. СПб.